

PHILOSOPHICAL SUBSTANTIATION OF OBJECTIVIZATION OF THE SUB-CONCEPT "FUTURE" IN THE TRAGEDY "MACBETH" BY W. SHAKESPEARE

I. Razumovich, student
Zaporizhia National University, Ukraine

The article is connected with philosophical issues serving as a basis for objectivization of the sub-concept FUTURE in the tragedy "Macbeth" by W. Shakespeare. An attempt is made to analyze the sub-concept FUTURE as a constituent of the concept TIME and to determine cognitive peculiarities of its interpretation by the author.

Keywords: concept, future, time, determinism, fatalism, mythopoetics.

Conference participant

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБЪЕКТИВАЦИИ СУБКОНЦЕПТА «БУДУЩЕЕ» В ТРАГЕДИИ В. ШЕКСПИРА «МАКБЕТ»

Разумович И.А., студент
Запорожский национальный университет, Украина

В статье рассматриваются философские принципы, которые лежат в основе объективации субконцепта «Будущее» в трагедии В. Шекспира «Макбет». Приводится попытка анализа особенностей параметризации субконцепта «Будущее» как составной части концепта «Время» и выделения когнитивных особенностей его интерпретации автором.

Ключевые слова: концепт, время, будущее, детерминизм, фатализм, мифопоэтика.

Участник конференции

Языковые структуры в первую очередь фиксируют наивную картину мира и отображают общий фонд первичного феноменологического знания, а прежде всего те данные, которые даны человеку его перцептивным опытом. На уровне чувственного восприятия время представляется человеку как «теперь, в настоящий момент», то есть настоящее, которое является для него непосредственной данностью, будущее и прошлое, – это абстрактные конструкты, которые сложились на основе пространственных представлений о времени. Поэтому проблема концептуализации этих конструктов и философского обоснования их репрезентации в языке является актуальной для современной лингвистической парадигмы.

В целом, можно сказать, что в трагедии «Макбет» концепт «Время» имеет многослойную структуру и его можно условно разделить на несколько субконцептов – «Прошлое», «Настоящее», «Будущее», «Вечность», «Момент», но особенно акцентируется тот отрезок часового вектора, который направлен в будущее, и та плоскость пространства-времени, в которой содержится множество событий, которые еще не произошли, но должны произойти. Акцентуация происходит с помощью мотива пророчества, то есть обращения к гипотетическому феномену прекогниции. Линейная модель времени, которая характеризуется двусторонней направленностью и необратимостью часового потока (который направлен из прошлого через нынешнее в будущее) уступает место

дискретной и нелинейной структуре времени, в которой будущее, прошлое и настоящее часто пересекаются.

Философскими принципами конструирования субконцепта «Будущее» в анализируемом произведении являются доктрины детерминизма и фатализма, согласно которым все события уже предрешены и являются неотъемлемыми частями данного времени-пространства. Детерминизм признает общую закономерную связь, считает, что любое явление связано с другими явлениями, которые имели место в прошлом. Философы, которые придерживаются точки зрения детерминизма (А. Бергсон, Б. Спиноза и др.), по-разному понимают характер тех сил или процессов, которые формируют связи между явлениями. Два наиболее распространенных подхода к детерминизму – фатализм и материализм, и именно первый становится философской моделью концептуальной структуризации трагедии «Макбет».

Фатализм – религиозная концепция божественного предназначения, согласно которой закономерная связь всех явлений во времени устанавливается или богом, или судьбой. В результате этого концепт «Будущее» оказывается тесно связанным, а иногда даже тождественным с концептом «Судьба».

Так, образы трех ведьм являются аллюзией на мифологему богинь судьбы (древнегреческие Мойры, римские Парки, скандинавские Норны), и даже их основная номинация «weird sisters» аллюзивно вербализует концепт «Судьба» («weird» от древне-

английского «wyrd» – судьба, назначение, рок). Содержание пророчества, которое делают ведьмы Макбету и Банко, есть не просто озвучиванием их достоверного будущего, а окончательным известным фактом, который подтверждается использованием лексем с ярко выраженной дебитивной модальностью: «Macbeth, thou shalt be king hereafter!» (Акт I, сцена III), «Thou shalt get kings, though thou be none» (Акт I, сцена III), «Your children shall be kings» (Акт I, сцена III), «You shall be king» (Акт I, сцена III). Детерминированность будущего, невозможность свободы выбора и ответственности также акцентируется с помощью глаголов с дебитивной модальностью, преимущественно «must»: «for't must be done to-night» (Акт III, сцена I), «Fleance his son... must embrace the fate» (Акт III, сцена I), «we / Must lave our honours in these flattering streams» (Акт III, сцена I), «Great business must be wrought ere noon» (Акт III, сцена V), «I bear a charmed life, which must not yield, / To one of woman born» (Акт I, сцена VIII).

Фатализм в трагедии «Макбет» не имеет ничего общего с пессимизмом. Фатум в данном случае является достаточно сложной центрируемой системой, в которой будущее и доли каждого отдельного персонажа обуславливаются фатумом главного героя, – Макбета. Так, узнав о том, что судьба наградит его короной («fate and metaphysical aid doth seem / To have thee crown'd withal» (Акт I, сцена V), Макбет решает «приблизить» ожидаемый момент и убивает

короля Дункана, а затем через страх перед вторым пророчеством ведьм, уничтожает Банко и т.д. В результате этого концепт «Судьба» приобретает негативные эмоционально-оценочные коннотации: «What should be spoken here, where our fate, hid in an auger-hole, may *rush, and seize us?*» (Акт II, сцена V), «Fleance his son... must embrace the fate / Of that dark hour» (Акт III, сцена I), «Now we'll together; and the chance of goodness / Be like our *warranted quarrel!*» (Акт III, сцена III).

Апеллирование к концепции фатализма объясняется наличием в трагедии мифологических элементов. Мифопоэтика трагедии строится по условной схеме «человек (Макбет, Банко) – не-человек (ведьмы, привидения) – слово (пророчество) – время-пространство», в которой реальные и мифологические смыслы, реалистичные и фантастические элементы и персонажи, не подлежат четкой дифференциации и не могут быть противопоставлены, тесно взаимодействуют и обуславливают друг друга. Будущее в трагедии «Макбет» воспринимается сквозь призму мифа и сверхъестественных феноменов. Будущее неотъемлемо от идеи прогресса, эволюции и оптимистичных качественных изменений. Ведьмы обещают Макбету и Банко значительные перемены к лучшему (Макбет должен стать королем), долговременные позитивные влияния (потомки Банко станут основателями династии монархов).

Акцентуация будущего, направленность в будущее требуют активности от языкового субъекта, который может самостоятельно узнавать о будущих событиях, предсказывать и интерпретировать их: «weird sisters saluted me, and referred me to the coming on of time» (Акт II, сцена V), «the three weird sisters... have show'd some truth» (Акт II, сцена I).

Стоит отметить, что такое подчеркивание значимости будущего является не достаточно характерным для литературы Возрождения, ведь в это время у большинства стран восприятие было связано с переходом от сельской к городской культуре и характеризовалось освобождением человеческого ума от средневековых догм, которые трактовали настоящее бытие на Зем-

ле как временное убежище, а загробную жизнь – как настоящее. Научные изобретения, открытия, развитие экономики, привели к расширению исторических, географических, космографических представлений о человечестве и Вселенной. Земное время, время «здесь и в настоящий момент» признавалось единственно реальным (прошлого уже нет, а будущего еще нет). В трагедии же Шекспира наблюдается противоположное представление о времени: будущее является основным ценностным ориентиром и объектом стремлений персонажей: «To-morrow, and to-morrow, and to-morrow, / Steeps in this petty pace from day to day» (Акт V, сцена V). С будущим связываются оптимистические надежды («your cause of sorrow / Must not be measured by his worth, for then / It hath no end» (Акт V, сцена VII)). Для настоящего же характерны негативные коннотации: «Thy letters have transported me beyond / This *ignorant present...*» (Акт II, сцена V).

Параметризацию субконцепта «Будущее» в трагедии можно рассматривать также учитывая семантику возможных миров, которая является достаточно актуальной проблемой для современной лингвистической парадигмы. Семантика возможных миров как объект лингвистического исследования понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке, который становится своеобразным сигналом «пределов» миров. Возможные миры, которые порождаются некоторыми синтаксическими и грамматическими конструкциями, позволяют допустить множественность вариаций будущего. Такую миропорождающую функцию выполняют, в первую очередь, условные предложения и конструкции, с модальными глаголами, сравнительными и разъединительными союзами и тому подобное. Среди возможных миров, которые чаще всего наблюдаются в трагедии «Макбет» и коррелируют с субконцептом «Будущее», можно выделить:

– ментальное пространство возможного мира, которое моделируется с помощью условных конструкций, которые могут иметь несколько потенциально возможных консеквен-

тов: «If it were done when 'tis done, then 'twere well / It were done quickly» (Акт I, сцена VII), «If we should fail?» (Акт I, сцена VII), «if thou didst it, / Thou art the nonpareil» (Акт III, сцена IV), «If there come truth from them...» (Акт III, сцена I). Следует отметить, что, поскольку исходный текст является художественным, возможные консеквенты данных условных конструкций менее жестко ограничены перечнем допустимых сценариев, которые могут формироваться в сознании субъекта. Этим они отличаются от конструкций, которые моделируют возможные миры в текстах других стилей, где вариативность возможных миров имеет более предсказуемый характер.

– мир возможных перспектив, семантическое пространство которого коррелирует с будущим временем относительно акта его речевой активации. Мир мнимых перспектив определяется условиями, при которых он мог бы реализоваться: «We would spend it in some words upon that business, / If you would grant the time» (Акт II, сцена I), «If he do bleed, / I'll gild the faces of the grooms withal» (Акт II, сцена II), «If thou be'st slain and with no stroke of mine, / My wife and children's ghosts will haunt me still» (Акт V, сцена VII).

– мир сомнений, догадок и гипотетических предположений, семантическое пространство которого конструируется с помощью модальных слов и глаголов. Такие модальные сущности, как лексемы «must», «may», «might», «should», «would», «could» и т.д. заставляют мысленное содержание предложений, в которых они используются, коррелировать с семантикой возможных миров. Они выражают степень достоверности того или другого варианта будущего: «That trusted home / Might yet enkindle you unto the crown, / Besides the thane of Cawdor» (Акт I, сцена III), «And that well might / Advise him to a caution, to hold what distance / His wisdom can provide» (Акт III, сцена VI), «I should report that which I say I saw, / But know not how to do it» (Акт V, сцена V), «His wonders and his praises do contend / Which should be thine or his» (Акт I, сцена II), «chance may crown me, / Without my

stir» (Акт I, сцена II). Высказывания, которые содержат лексемы с дебитивной модальностью, характеризуются наибольшей степенью уверенности в реальности того или другого события в будущем, тогда как лексемы с потенциальной модальностью выражают лишь предположение достоверности событий. Данному типу возможного мира свойственна онтологическая возможность, ведь он есть когнитивно обусловлен и базируется на знаниях о действительном положении вещей.

– мир возможных альтернатив. Альтернатива определяется как возможность выбора одного из нескольких возможных вариантов будущих событий: «When shall we three meet again / In thunder, lightning, or in rain?» (Акт I, сцена II), «Sleep shall neither night nor day / Hang upon his pent-house lid» (Акт I, сцена III), «His wonders and his praises do contend / Which should be thine or his» (Акт I, сцена III), «thou'ldst never fear the net nor lime, / The pitfall nor the gin» (Акт IV, сцена II), «Things at the worst will cease, or else climb upward / To what they were before» (Акт III, сцена II).

– мир фиктивных аналогий, который конструируется с помощью сравнений: «his virtues / Will plead like angels, trumpet-tongued, against / The deep damnation of his taking-off» (Акт I, сцена VII). Сравнение, которое вводится союзом «like», является репрезентатором сценария возможного мира, который будто бы «наслаивается» на план содержания предложения, которое отображает действительность.

– мир реальных аналогий: «But in a sieve I'll thither sail, / And, like a rat without a tail, / I'll do, I'll do, and I'll do» (Акт I, сцена III). Мир реальных аналогий отличается высокой степенью онтологической досягаемости, поскольку апеллирует к имеющемуся у говорящего чувственному, социальному и др. опыту.

– возможный мир, представленный вопросительными предложениями. Как было отмечено выше, любой вопрос порождает потенциальное множественное число ответов на него: «Will she go now to bed?» (Акт V, сце-

на I), «how wilt thou do for a father?» (Акт IV, сцена V).

Итак, в качестве вывода можно отметить, что в трагедии «Макбет» субконцепт «Будущее» является одной из частей более сложной когнитивной структуры – концепта «Время». Субконцепт «Будущее» параметризуется на базе философских принципов детерминизма и фатализма, при этом часто в тексте встречаются мифологические мотивы или образы, которые служат аллюзивными репрезентантами субконцепта (например, три ведьмы). Данное исследование представляет значительные перспективы для дальнейшей работы, т.к. более детальное изучение философской базы, на основе которой объективируются концепты, позволяет обнаружить особенности их осмысления писателем и выделить ценностные доминанты, связанные с интерпретациями концепта в его творчестве.

References:

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the personal world], N.D. Arutyunova., M., Yazyki russkoi kul'tury [Languages of Russian culture], 1999. - 896 p.
2. Babushkin A.P. Vozmozhnye miry v semanticheskom prostranstve [Possible worlds in the semantic space], A.P. Babushkin., Monografiya [Monograph]. - Volgograd., Peremena., 2002. - 477 p.
3. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture], A.Ya. Gurevich., 2nd addition., ispr. i dop. – Moskva., Iskustvo [Arts], 1984. - 350 p.

4. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse] V.I. Karasik. - Volgograd, Peremena, 2002. - 477 p.

5. Losev A.F. Antichnaya filosofiya istorii [Ancient philosophy of history], A.F. Losev. - Moskva., Nauka [Science], 1977. - 208 p.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова // М., Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабушкин А.П. Возможные миры в семантическом пространстве / А.П. Бабушкин // Монография. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик // Волгоград, «Перемена», 2002. – 477 с.
5. Лосев А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев // М.: Наука, 1977. – 208 с.

Information about author:

Irina Razumovich - student, Zaporizhia National University; address: Ukraine, Zaporozhye city; e-mail: ir-rina93@mail.ru

Сведения об авторе:

Разумович Ирина - студент, Запорожский национальный университет; адрес: Украина, Запорожье; электронный адрес: ir-rina93@mail.ru

